

Дневник Павлика Дольского

А. Н. Апухтин. Сочинения. Стихотворения и проза

М., "Художественная литература", 1985

Составление и подготовка текстов А. Ф. Захаркина

Вступительная статья М. В. Отрадина

Примечания Р. А. Шацевой

OCR Бычков М. Н.

6 ноября

Вчера я пережил очень странное впечатление. Мне уже с неделю нездоровится. Не то чтобы начиналась серьезная болезнь, а так, чувствую себя как-то не по себе: то головная боль, то кашель, по ночам бессонница, днем какая-то непонятная слабость. Вчера я решился пригласить доктора, которого часто встречаю у Марьи Петровны. Доктор проделал все, что в подобных случаях проделывают доктора. Он осмотрел и прослушал меня вдоль и поперек, определил температуру тела, постучал грудь какими-то палочками, полюбоществовал насчет языка и пульса, нашел, что все в порядке, и уселся в раздумьи за письменный стол. Не дописав рецепта, он вскочил и начал опять прикладывать голову к моему сердцу, причем неодобрительно качал головой. Я попросил объяснения.

-- Видите ли,-- начал он, запинаясь и ища выражений,-- положим, что сердце у вас в порядке, но - как вам сказать?.. посмотрите на ваши туфли: вы их давно носите и можете еще долго проносить, а между тем черточки у них побелели. Износились. То же и с сердцем, ведь и оно может изнашиваться. Вам который год?

-- Который год? Мне?

-- Ну да, вам. Отчего мой вопрос вас так удивляет?

-- Да потому, что он мне никогда не приходил в голову. Мне за сорок.

Доктор засмеялся.

-- Я не сомневаюсь в том, что вам за сорок, но сколько именно? Не ближе ли к пятидесяти?

-- Пожалуй, что и так.

-- Ну, вот видите! Человек в пятьдесят лет должен сказать, что он старик, и не удивляться тому, что его сердце работает слабей, чем в молодые годы.

И, с уверенностью подойдя к письменному столу, доктор навалил целых три рецепта.

-- Можно ли мне, по крайней мере, выехать сегодня? -- спросил я с робкой мольбой.

-- Ни под каким видом! Завтра принимайте каждый час обе микстуры поочередно, на ночь втирайте мазь, а послезавтра я заеду.

-- Но я обещал непременно обедать у Марьи Петровны. Вы знаете, что сегодня приезжает к ней племянница...

-- Это ничего не значит! Я от вас еду к Марье Петровне и скажу ей, что запретил вам выезжать... А племянницу посмотреть успеете: она прогостит у Марьи Петровны всю зиму.

И, небрежно сунув в карман бумажку, которую я вручил ему как-то крадучись,-- точно совершал какое-нибудь постыдное дело,-- доктор важно удалился.

Этот докторский визит навел меня на самые грустные размышления. Как же это так? С тех пор как я себя помню, я всегда чувствовал себя молодым, и вдруг оказывается, что я старик! Еще вчера я пил, ел, спал и волочился за женщинами, как молодой человек, теперь все должно пойти иначе.

Сейчас, роясь в своем письменном столе, я нашел старую, порыжевшую от времени тетрадь с заголовком: "Записки о моей жизни. Дрезден". Я начал писать эту тетрадь много лет тому назад, живя за границей, в самом тревожном настроении духа. Выписываю оттуда последние строки: "Пора кончить. Я вижу, что не понимаю ни себя, ни окружающей меня жизни. Придет время, когда все уляжется в душе, наступит эпоха грустной старости,-- тогда, может быть, примусь опять за эти записки".

По-видимому, эта эпоха наступила. Давно все улеглось в душе, жизненный путь почти пройден, пора подводить итоги. Я ведь не только ел, спал и волочился: я еще всю жизнь наблюдал и размышлял, мне хочется уяснить себе результат этих